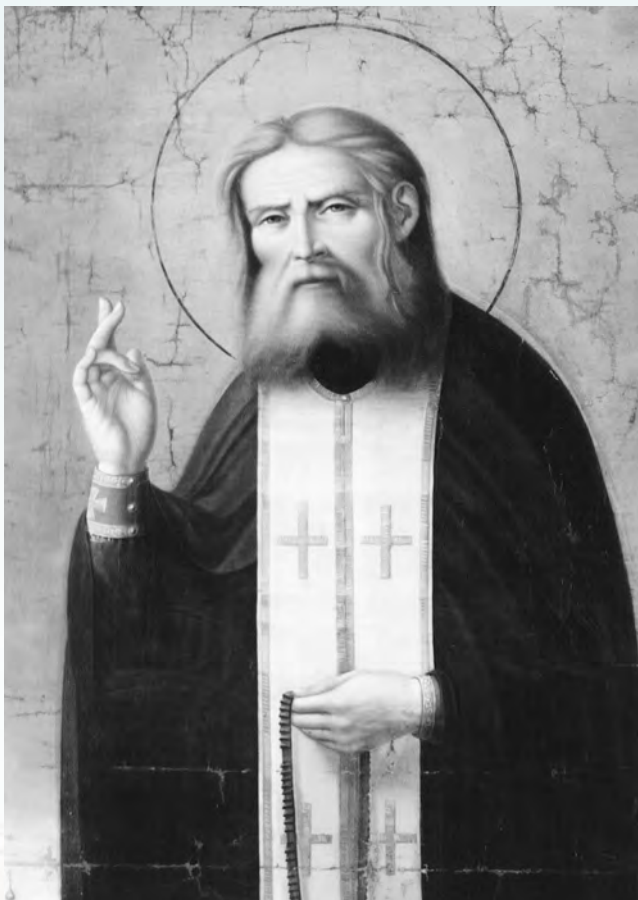

Канонизация Серафима Саровского

А. М. ПОДУРЕЦ

Через 70 лет после кончины преподобного Серафима Саровского в январе 1903 г. состоялось освидетельствование мощей святого, тогда же Святейший синод с одобрения императора Николая II причислил Серафима Саровского к лику святых.

Сложности возникли уже с момента освидетельствования мощей старца. Кстати, до сих пор нет однозначного отношения как ученых, так и церковных служителей к акту освидетельствования останков преподобного. Во время осмотра в гробу был найден медный крест. В житиях же Серафима отмечалось, что похоронен он был с финифтяным образком преподобного Сергия Радонежского на груди, полученным в подарок из Троице-Сергиевой лавры от архимандрита Антония. Несоответствие было сразу отмечено мно-

гими. Один из заметивших это людей написал даже письмо в Синод, где говорил, что «...останки вряд ли принадлежат преподобному старцу Серафиму, а по всей вероятности, Марку-затворнику, нетленное же тело преподобного Серафима еще находится в земле».

Впрочем, все эти сомнения были уделом образованной части общества. Среди простого народа вера в святость и чудодейственность мощей Серафима Саровского, воды его источника была непоколебимой. Подготовка к Саровским торжествам шла полным ходом. Перед тем как объявить о точном сроке предстоящего праздника, Синод представил акт освидетельствования останков Серафима Саровского и доклад о начале подготовки к канонизации Николаю II. 26 января 1903 г. Николай II изучил доклад и написал на нем: «...Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления». Получив монаршее благословение, Синод 29 января опубликовал в «Церковных Ведомостях» «Деяние Святейшего синода» – документ, в котором официально было заявлено, что 19 июля 1903 г. в Саровской пустыни состоятся торжества по прославлению Серафима Саровского в лике святых.

За сравнительно короткий срок была проделана (даже по сегодняшним меркам) огромная работа. Было очевидно, что торжества в Сарове привлекут огромную, доселе там не виданную массу народа. Саровская пустынь никогда не жаловалась на отсутствие паломников, теперь же официальное признание церковью благодатного дара преподобного должно было еще более увеличить поток богомольцев. В Саровских торжествах должна была участвовать императорская семья, со всеми вытекающими из этого последствиями. К тому же Саровская пустынь находилась в стороне от крупных населенных пунктов и железных дорог. Следовательно надо было за оставшееся до торжеств время привести в порядок дороги, обеспечить паломников крышей над головой, питанием, медицинским обслуживанием и прочим. Требовала большого внимания и организация богослужений, крестных ходов и т. д.

Для богомольцев из дальних губерний с 5 июля по 1 августа по железной дороге от Нижнего Новгорода до Пензы пускались специальные «бо-

гомольческие» поезда. Ближайшими железнодорожными станциями к монастырю были Арзамас (62 версты от Сарова по грунтовой дороге) и Шатки (60 верст). С юга, со стороны Тамбовской губернии, к Саровской пустыни добирались дорогами, ведущими от станции Сасово (120 верст) и Торбеево (105 верст). По этим маршрутам шли почтовые и земские тракты, содержались станции, на которых можно было отдыхать и менять лошадей. В связи с ожидавшимся увеличением движения по дорогам на пути из Темникова были построены две дополнительные станции: на реке Пуште и на Озерках (в монастырских владениях в десяти верстах от монастыря). Новая временная почтовая станция появилась в Глухове – на пути к Саровской пустыни от Арзамаса. На каждой станции было всего по несколько лошадей и в такой ситуации с транспортом во время торжеств могли быть проблемы. Основная масса пассажиров (те, кто не шел пешком) перевозилась «вольными» ямщиками: и местными, и приехавшими издалека, чтобы заработать. Для «вольных» ямщиков при монастыре было отведено специальное помещение. Ямщики, допущенные в Саровскую пустынь, прошли тща-

тельный отбор, начальник саровской полиции Сарынкевич (назначенный на эту должность временно на период празднеств, до этого бывший тамбовским полицмейстером) издал такое распоряжение: «В Саров будут допущены лишь те ямщики, которые будут снабжены от меня номерной бляхой для ношения на шапке... Само собой разумеется, что в ямщики могут быть допущены лишь лица вполне благонадежные».

Было проведено ветеринарное освидетельствование лошадей. Учитывая опыт подобных мероприятий, власти пытались установить единую таксу для ямщиков на провоз пассажиров – 6 копеек за версту с лошади. В действительности цены удержать не удалось. Цены во время торжеств поднялись вдесятеро по сравнению с обычными. Арзамасские извозчики, например, заранее договорились везти до Сарова не меньше чем за 60 рублей. «Да когда же нажать, как не теперь?» – приходилось слышать мне не раз от извозчиков и в гостинице, словом, всюду», – вспоминал один из путешественников. Административные меры контроля за ценами оказались не эффективны. «Единственное средство для

Благочестивые паломники

В полевой столовой для паломников

уменьшения провозной платы – это конкуренция», – считал один из организаторов торжеств архимандрит Серафим (Чичагов).

К снабжению паломников продовольствием и другим обеспечением были привлечены предприниматели. Желающих оказалось достаточно: дело сулило немалые выгоды. Вот несколько примеров. Продавать мясо в Саровской пустыни подрядился темниковский мещанин Семен Васильевич Губарьин, при этом оговорены были и будущие цены: 1-й сорт – 12 копеек за фунт, 2-й – 10 копеек. Устроить в Сарове чайную на две тысячи человек и пекарню взялся крестьянин Краснослободского уезда Сергей Дмитриевич Самышкин. Темниковский мещанин Николай Федорович Егоров обязался подвозить ежедневно во время торжеств 100 пудов печеного белого хлеба.

Организаторы продумывали, как обеспечить большое количество народа питьевой водой, кипятком, медицинским обслуживанием, а также как организовать пожарные обозы и т. д. Словом, к работе были привлечены не только гражданские и церковные власти на уровне губернии и епархии, но и всей страны.

Гостиницы в Саровской пустыни уже задолго до торжеств перестали справляться с прибывающими ежедневно тысячами паломников. Для богомольцев стали отводить помещения на конном дворе и в других монастырских службах, но и этого не хватало. Специально к торжествам в Саровской пустыни было построено девять временных деревянных гостиниц. Пришлось потесниться также самой монашеской братии. Монастырская больница была временно вынесена за пределы монастыря, ее помещения переоборудованы для приема гостей, освободили некоторые кельи. Купеческая гостиница была отведена для монахинь Дивеевского монастыря.

Естественно, что на место в гостиницах, даже временных, могли рассчитывать лишь богомольцы «из достаточного класса» и официальные лица. Для простых богомольцев решено было строить временные бараки. Барак представлял собой деревянное дощатое сооружение 30 м в длину и 7 м в ширину, внутри него были установлены трехъярусные нары. Расчетная вместимость такого барака составляла 250 человек, но если потесниться, то влезали и все пятьсот. Подоб-

ные бараки были установлены на пути основных потоков пеших богомольцев. Несколько бараков было построено возле Саровской пустыни, но основная их масса была возведена на расстоянии примерно 6 верст от стен монастыря в специальном богомольческом городке (место это до сих пор сохранило название Городки). Бараки делились на мужские и женские. При каждой группе бараков устраивались часовни, лавки, чайные, медпункты.

Интересно, что подрядчиков для строительства бараков, чайных и иных построек монастырь согласился допустить к работе бесплатно, но с условием, что лес и кирпич они будут закупать только в монастыре.

Таким образом, бараки, построенные вблизи Саровской пустыни, могли вместить 25–50 тысяч человек. В действительности же паломников пришло гораздо больше, и основная их масса ночевала в лесу и вблизи монастыря под открытым небом, благо погода в июле 1903 г. в дни торжеств оказалась устойчиво ясной.

Для обеспечения порядка и безопасности участников торжеств в Сарове были собраны значительные силы полиции и регулярной армии. Количество полицейских в Сарове и ближайшей окрестности составляло около полутора тысяч человек, и была учреждена особая саровская полиция. В монастыре разместились 11-й гренадерский Фанагорийский великого князя Дмитрия Павловича полк и 1-й Донской казачий генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полк. Военные прибыли заранее. Интересно, что командование казаков жаловалось на непомерно высокие цены в Сарове на овес и продовольствие. На случай поимки преступников в Саров были командированы судьи, созданы специальные «арестные» дома не только в Сарове, но и в пунктах на маршрутах следования паломников. Для организации высылки арестованных были подготовлены этапные пункты.

Особенно надежно обеспечивалась безопасность поезда и пребывания в Сарове императорской семьи. Вооруженная охрана была расставлена по всей длине железнодорожного пути от Петергофа до Арзамаса, на что потребовалось около 15 тысяч солдат. Дорога от Арзамаса до Сарова находилась под охраной казаков Собственного его величества конвоя. Для обеспечения безопасности царя и свиты была составлена следующая инструкция.

Меры, подлежащие принятию в селениях по пути высочайшего следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь и обратно чрез с. Глухово в Арзамас

Все строения, жилые и холодные помещения, находящиеся на самом пути и на расстоянии десяти сажень в обе стороны от дороги, за двое суток до приезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского (где таковой есть) офицера, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Председателем комиссии является старший в чине офицер. Все строения, в которых нет особой надобности для хозяев, опечатываются комиссией за четыре часа до высочайшего проезда; печати осматриваются ею, чтобы убедиться в целостности их.

Примечание. Если впоследствии хозяевам встретилась бы особая надобность войти в опечатанное строение, то это может быть сделано в присутствии той же комиссии, и после строение вновь опечатывается.

В упомянутых выше строениях после осмотра никто из посторонних лиц, к семье хозяина не принадлежащих, оставаться не может впредь до того времени, пока охрана не будет снята.

За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника, которые следят, чтоб никто из посторонних лиц в дом и во двор не входил. За четыре часа до проезда помещаются с задней стороны домов, лежащих на пути, охранники, стражники или воинские чины, по мере надобности, которые следят за тем, чтобы на дорог, по которой имеет быть проезд, никто не выходил.

Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

Полицией и сельскими властями устанавливается строгий надзор за всеми живущими в селениях и за всем, что вообще происходит в селениях. За двое суток до высочайшего проезда селение должно быть очищено от всех неизвестных лиц.

С раннего утра дня высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и находящийся в селении скот загнан.

Был издан также приказ, регламентирующий поведение местного населения в селах, лежащих на пути августейших паломников (за подписью нижегородского губернатора)

Приказ
жителям селений по пути высочайшего
следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь
и Дивеевский монастырь и обратно

Жители каждого селения, через которое будет следовать высочайший поезд, собираются у своей околицы к определенному часу, который будет указан земским начальником, в район которого входит соответствующее селение, и группируются там по обе стороны дороги.

Сельский староста, сотские и десятские проверяют, чтобы никто из посторонних, к жителям селения не принадлежащий, в группе не был. Если же случайно кто-либо из посторонних явится и не будет времени его совсем удалить, то он становится за группу под надзор полиции или благонадежных лиц.

От линии проезда группы стоят около десяти саженей.

Расходиться жители могут с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из вида.

При въезде в селение разрешается жителям устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами.

В поддержании порядка во время торжеств участвовали и добровольцы из числа простых паломников. Им выдавался особый билет по рекомендации земского начальства.

Все это приводило к тому, что само слово «пустынь» стало утрачивать свой смысл затерянной в лесах тихой обители. Недаром один из полицейских чинов, посылая в июле 1903 г. свое донесение, оговорился, назвав Саров городом. Противоречиво воспринимали подобное развитие сами саровские монахи. Игумен Иерофей был противником проведения в монастыре пышных торжеств, но мнение его и монашеской братии, конечно, не учитывали. Кстати, 100 лет спустя, в 2003 г., известный советский актер Ролан Быков, побывав в Арзамасе-16, был страшно удивлен высказанной рядом руководителей города идеей раскрытия Сарова и превращения его в центр паломничества: «Я был в Иерусалиме, видел эти толпы паломников, которые буквально вытоптали в округе всю растительность: ни кустика, ни травинки! У вас тут рай земной, а не природа; не дай бог сделать Саров центром православного паломничества, после этого вы тут жить не сможете».

Однако возвращаемся в 1903 год.

Церемониал торжественного открытия святых мощей преподобного отца Серафима, Са-

Царская семья с дворянами Нижегородской губернии

ровского чудотворца, утвержденный Святейшим синодом, подробно по дням и часам расписал церковные службы и мероприятия, намеченные к проведению в Саровской пустыни. Для осуществления всего этого в Саров прибыло около 500 человек духовенства различных рангов.

Первым из высоких официальных гостей в Саров пожаловал митрополит Санкт-Петербургский Антоний в сопровождении епископов Тамбовского Иннокентия (Беляева) и Нижегородского Назария (Кириллова). 3 июля при участии этих архиереев мощи Серафима Саровского были вынуты из могилы и перенесены в Зосимо-Савватиевскую церковь, в алтаре которой они должны были находиться до дня торжественного прославления. Мощи святого были переложены в новый кипарисовый гроб, а старый дубовый гроб-колоду временно поставили в Преображенской церкви.

К 13 июля, когда в саровских церквях начались торжественные богослужения, в Саров прибыли все знатные гости: митрополит, архиереи и архимандриты, известные проповедники из Санкт-Петербурга – священники А. В. Рождественский и Ф. Н. Орнатский, митрополичий петербургский хор певчих, а также архиерейский тамбовский хор.

17 июля по старому стилю, в четверг, в половине шестого вечера состоялось одно из кульминационных событий Саровских торжеств – на территорию Сарова ступил царь Николай II. Царский поезд выехал в Саров вечером 15 июля со станции Новый Петергоф. Поезд шел в Арзамас через Москву, Рязань, Рузаевку, Шатки – железной дороги от Москвы на Арзамас через Муром, по которой ездят сейчас жители Сарова, тогда еще не было. Императора и императрицу сопровождали вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Сергей Александрович, его жена великая княгиня Елизавета Федоровна, великая княгиня Ольга Александровна, ее супруг (с 1901 г.) Петр Александрович, герцог Ольденбургский, великий князь Николай Николаевич, великий князь Петр Николаевич, его супруга (с 1889 г.) великая княгиня Милица Николаевна, дочь черногорского князя Негоша (короля Черногории Николая I), герцог Георгий (Юрий) Лейхтенбергский, князь Романовский, его супруга Анастасия Николаевна, дочь черногорского князя Негоша, сестра Милицы Николаевны.

Как писал Николай II в своем дневнике, «...ехали хорошо и не торопясь». По пути было несколько остановок. В Коломне и Рязани царь

Въезд императорской четы в Саровский монастырь

Делегация мордовских крестьян

выходил на перрон, ему устраивались встречи с речами и хлебом-солью. Наконец, 17 июля в 11 утра царский состав подошел к станции Арзамас. Там была сооружена специальная платформа с павильоном, украшенным пальмами в кадках, зеленью и цветами. Царя торжественно приветствовали нижегородский губернатор Унтербергер, представители различных сословий Нижегородской губернии. Здесь же к императору присоединились министр внутренних дел Плеве и министр путей сообщения Хилков.

Далее отправились на экипажах, запряженных четверками лошадей (кстати, для обратного пути из Сарова в Арзамас для Николая II и его свиты было приготовлено 540 лошадей). Примерно на полпути, у села Глухово сделали привал и пили чай в специально приготовленной для этого палатке. Вот что вспоминала великая княгиня Елизавета Федоровна: «Как много красивых и здоровых впечатлений. Мы ехали шесть часов в экипажах до монастыря. По дороге в деревнях красивые, здоровые люди были живописны в ярко-красных сарафанах и рубахах». Большинство этих «красивых и здоровых людей» в толпе, стоявших по обе стороны дороги, были не местными жителями, а членами «добровольной охраны», завербованными в различных уездах

Нижегородской губернии. Таких добровольцев набралось около сорока тысяч, их привлекли бесплатным проездом до Сарова и возможностью посмотреть вблизи царя. Естественно, участники охраны прошли соответствующую проверку и, по сути дела, «несли полицейскую службу в партикулярном платье».

Недалеко от Сарова, где проходила граница Нижегородской и Тамбовской губерний, была сооружена арка и Николая II ждала очередная торжественная встреча. Встречали царя губернатор, представители городов и сословий, вручали цветы и подарки. Представители крестьянства многонациональной Тамбовской губернии были в народных костюмах.

Точного количества паломников в Саров в эти дни нет – по некоторым оценкам – от 100 до 300 тысяч человек. Естественно, что территория монастыря всех вместить не могла. Только официальных пропусков в монастырь на торжества выдали две тысячи.

Люди днями, а иные и неделями не могли приложиться в Успенском соборе к мощам новоявленного святого. Возникали громадные очереди и как следствие – давка. А. А. Богданович записал в дневнике: «Художник Чикин, которого посылали на открытие мощей св. Серафима Саровского, сказал, что там давка до того

Праздничная трапеза для гостей

была невероятная, что казаки действовали нагайками». В то же время князь Владимир Волконский, и не он один, отмечает удивительную атмосферу праздничности, благоговения, сопричастности к чуду, царившую в те дни в Сарове: «...Было именно единение, не кажущееся, а искреннее, полное, у всего собравшегося народа, у каждого человека, из какого бы слоя он ни был, было то настроение, которое, наверное, радовало Серафима; все были один другому близки, все были друг другу действительно друзья; иначе назвать это настроение как умиленным я не могу; и эта умиленность, эта ласковость царя над всем Саровом и над всеми под его сень пришедшими. Хорошо было – очень!».

В дневнике императора записано: «Подъем духа громадный и от торжественности события и от поразительного настроения народа».

Утром 18 июля после осмотра достопримечательностей в Успенском соборе прошла последняя панихида по отцу Серафиму, в которой он еще поминался не как святой. По окончании церковной службы августейшие паломники отправились осматривать места, связанные с преподобным Серафимом: ближнюю и дальнюю пустыньки и камень, на котором он молился. Николай II прошел весь путь туда и обратно пешком, женщины ехали в экипажах.

«Дорога, идущая лесом, замечательно красива. Вернулись домой пешком, народ был трогателен и держался в удивительном порядке», – записал он в своем дневнике.

А в шесть часов вечера состоялась самая главная торжественная церковная служба этих дней – всенощная, во время которой произошло прославление Серафима Саровского как святого Русской православной церкви. Гроб с его останками был перенесен из Зосимо-Савватиевской церкви в Успенский собор, носилки с ним несли Николай II, великие князья и архиереи.

Из дневника царя: «Впечатление было потрясающее, видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам. Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной».

По распоряжению Синода всенощные бдения в ознаменование прославления Серафима Саровского состоялись 18 июля во всех православных храмах Российской империи, а 19 июля – литургии и молебны святому преподобному Серафиму. Во время службы 19 июля в Сарове крестный ход с мощами Серафима Саровского, которые несли на носилках Николай II с великими князьями, обошел вокруг Успенского со-

Рака, в которую были помещены мощи прп. Серафима, изготовленная по типу старого гроба-колоды, в Зосимо-Савватиевской церкви

бора, после чего мощи были помещены в установленную в соборе раку.

К вечеру 19 июля относится следующая очень любопытная запись в дневнике царя: «В 7 с 1/2 обедали у Мама. Затем по два и по три пошли к источнику, где с особым чувством выкупались из-под крана студеной водой. Вернулись благополучно, никто в темноте не узнавал». Так состоялось это вошедшее в легенды купание Николая II и Александры Федоровны в источнике преподобного Серафима, которое связали затем с рождением наследника императора.

Интересно, что в официальных репортажах, порой очень подробных, ничего об этой вечерней прогулке к источнику не сказано. На следующий день, 20 июля, в девятом часу утра Николай II со свитой отбыл из Сарова.

Торжества 1903 г. раз и навсегда изменили жизнь Саровской пустыни. Монастырь был обречен принимать и обслуживать тысячи и тысячи паломников. Ежедневно в течение первых месяцев после канонизации в монастыре находилось 20–30 тысяч богомольцев, а на праздник Успения (15 августа по старому стилю) – до 50 тысяч. Естественно, что летом, особенно в день преподобного Серафима (1 августа по новому стилю), количе-

ство паломников увеличивалось, зимой – несколько уменьшалось. Со временем, начиная с 1906–1907 гг., поток богомольцев несколько ослабел.

Новый статус Сарова как места паломничества привел к ряду отрицательных, по мнению священнослужителей, сторон. Сразу отказались от монастырской трапезы бесплатно кормить всех богомольцев. Монахи вместо обычных послушаний и молитв начали заниматься торговлей, присмотром особо посещаемых мест и т. п. Подобная атмосфера ощущалась и паломниками. В их воспоминаниях чувствуются нотки разочарования. Святой Серафим представлялся человеку, прочитавшему его Житие и видевшему его канонические изображения, старцем, жившим в гармонии с природой и в окружении ее. Постановка «на поток» политической идеи не могла не нарушить эту гармонию. Характерно, что уже в 1904 г. это почувствовал известный писатель и философ В. Розанов: «Тропинка от монастыря до ключа – та самая, по которой всю свою жизнь ходил из кельи в монастырь св. Серафим, искажена и уже, увы, непоправимо! Именно прошлый год... просекли и разработали инженерно большую дорогу туда: и, конечно, тропинка, которая раньше пролегла тут, бесследно исчезла –

*Государь Николай Александрович с членами августейшей семьи направляются к источнику прп. Серафима.
Справа от государя — архим. Серафим (Чичагов)*

Императрица Александра Федоровна с сестрой вел. кн. Елизаветой Федоровной направляются к источнику прп. Серафима

Часовня над камнем, на котором молился прп. Серафим 1000 дней и ночей

Пустынька прп. Серафима

Часовня с купальнями над источником прп. Серафима

искажился самый вид этой местности, на который преподобный постоянно смотрел!».

Монастырское руководство стремилось хоть как-то сохранить верность традициям и уставу, не допустить дальнейшей коммерциализации жизни монастыря. Настоятель Иерофей употребил все свое влияние, чтобы не дать осуществиться разработанному в 1908 г. проекту строительства через Саров железной дороги. В письме к ардаатовскому городскому старосте, стороннику проекта, он писал: «Саровская пустынь насаждена безмолвием, им она прославилась, им она всегда привлекала его любителей».

Тем не менее внешний вид Саровской пустыни в эти годы стремительно менялся. В 1905–1906 гг. построены новые кирпичные складские и хозяйственные помещения, в 1911–1914 гг. были выстроены три новых гостиничных корпуса на западном краю монастыря. В Москве на месте подворья Саровской пустыни решено было построить большой пятиэтажный доходный дом и часовню. Строительство было окончено в 1914–1915 гг. (Этот дом по Старосадскому переулку, № 6 на углу с Петроверигским переулком сохранился в Москве до нашего времени.)

Изменение статуса монастыря вызвало и смену хозяйственной политики. Ряд объектов мо-

настырского и натурального хозяйства (водяные мельницы, удаленные от монастыря угодья) монахи стали сдавать в аренду или продавать. В 1906 г. часть земли (2374 десятины) была продана двум крестьянам села Старый Город – А. А. Козлову и М. Г. Курносову за 210 тысяч рублей.

Вблизи самого монастыря появились новые службы: особый дом для саровской полиции (в начале 1917 г. в штате саровской полиции состояли 1 надзиратель, 1 урядник и 8 городских), конная почтовая и почтово-телеграфная станции. Ремонтировались, реставрировались и вновь украшались саровские храмы. Особое внимание уделено было Успенскому собору, поскольку там находились мощи преподобного Серафима. Рака для мощей в 1909 г. была вызолочена (в этом монастырю помогала великая княгиня Елизавета Федоровна). Словом, в революцию монастырь вошел на пике своей славы, бурно развиваясь, несмотря на все раздирающие страну противоречия.

Из книги «Саров: памятник истории, культуры, православия». Саров: ЗАО «ИНФО»; Саранск: тип. «Красный Октябрь», 2012.

ПОДУРЕЦ Алексей Михайлович –
ведущий научный сотрудник ИФВ,
кандидат физ.-мат. наук